

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

**Алексей
МАКЕЕВ**

Темная
сторона
закона

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использован рисунок
художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Темная сторона закона / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 320 с. — (МУРу - 90 лет. Лучшие романы
Н. Леонова).

ISBN 978-5-04-091242-1

В дом медицинского светила академика Водовозова ворвались неизвестные, аккуратно обшарили каждый сантиметр жилплощади и ушли, ничего не взяв. Хотя поживиться преступникам было чем: дом под завязку набит антиквариатом. Полковник Гуров взялся за расследование этого дела без особого энтузиазма: все-таки он — полковник-важняк, а не рядовой следователь, взломы и ограбления — не его профиль. Но уже через несколько дней его отношение к порученному заданию кардинально изменилось. Дело в том, что улики, собранные Гуровым, указывали на то, что в доме Водовозова работали не преступники, а представители какой-то секретной силовой структуры...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091242-1

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

Март — месяц капризный и коварный. То солнышко ярко светит, сосульки по зиме слезы льют, и под ногами слякоть, а то прихватит ночью морозец, и утром тротуары и мостовые такие, что только успевай реагентом обрабатывать. Ну, а там, куда у коммунальщиков руки не дошли, земля как зеркало. А если ее еще и солнышком отполирует, то машину «Скорой помощи» можно прямо на этом месте и устанавливать для постоянного дежурства.

Вот такие невеселые мысли пришли в голову полковнику-важняку Льву Ивановичу Гурову, когда он утром выглянул в окно. Из-за низко нависших свинцово-серых туч не знаешь чего и ждать: то ли снега, то ли дождя, да и само беспросветно пасмурное небо душу не радовало.

Настроение у Гурова соответствовало погоде, с ним он и прибыл в управление. Его многолетний верный друг и напарник, пол-

ковник-важняк Станислав Васильевич Крячко, тоже от радости не сиял, но у него, плюс к скверной погоде, была для этого еще одна причина — ему предстояло отписываться за только что раскрытое ими дело, причем одному! А вот нечего было с Гуровым спорить! Лев сразу сказал, что труп не криминальный, это чистое самоубийство, хотя все было обставлено как положено, иначе родным покойного страховки не видать. Стас же уперся и твердил, что это убийство. Дошло до того, что поспорили. Выиграл, как всегда, Гуров, а Крячко теперь, гневно сопя, корпел над бумагами. При виде Льва он хмуро бросил:

— Тебя Петр уже искал, — и язвительно добавил: — Судя по тону, о чем-то попросить тебя хочет.

— О нет! Только не это! — воскликнул Гуров, но — куда деваться? — пошел к начальству.

Строго говоря, генерал-майор Петр Николаевич Орлов был для Гурова и Крячко начальником чисто номинальным, по штату, потому что дружили все трое с незапамятных лет и давно уже перестали считать, кто кому и сколько раз спину прикрывал, перед руководством выгораживал, переводя стрелки на себя, да и много чего другого было. Но вот просьбы Петра, касающиеся в основном слу-

жебных дел! Гуров уже давно заметил, что самые муторные и поганые следовали за невинной просьбой Петра, которого кто-то попросил по-дружески помочь, и начинались они с фразы: «Лева! Съезди, посмотри, что случилось. Разберись на месте — может, ничего серьезного, а люди просто зря перепугались». А поскольку интуиция у Гурова всегда была на высоте, то он ни капли не сомневался в том, что и сейчас услышит нечто подобное. И — как там в известном мультфильме сказано? — предчувствия его не обманули!

Гуров вошел в кабинет Петра, поздоровался, как обычно, занял свое любимое место на подоконнике и спокойно посмотрел на Орлова, ожидая разъяснений, а тот крутился под его взглядом, как уж под вилами, тер и мял своими короткопальными руками лицо, словно оно от этого могло стать симпатичнее, и упорно отказывался встречаться с Гуровым взглядом. Наконец, не выдержав молчания, он смущенно сказал:

— Лева! Ну, не мог я отказать Генке! Ты о нем от меня слышал, генерал-лейтенант Тимофеев Геннадий Григорьевич. Он не наш — армейский. Тут понимаешь, какое дело, его, скажем так, будущая жена сейчас на обследовании в больнице, а потом ей операцию на сердце должны делать, и он при ней неотлучно находится — там своя история. Она у него внука,

дочь и вдова академиков, да и сама доктор медицинских наук. Ты представляешь себе этот дом?

— Мини-Эрмитаж, — хмыкнул Гуров. — Ну, и чего у них увели?

— В том-то и дело, что ничего, — развел руками Петр. — Она живет вместе с домработницей, старой, проверенной и доверенной. Член семьи, короче говоря. Ее вчера дома не должно было быть, она случайно раньше времени вернулась. Вошла, а там куча народу дом обыскивает.

— То есть искали что-то конкретное?

— Видимо, да. Подробности не знаю.

— Странно, что ее в живых оставили, — заметил Лев.

— Да вот оставили, но предупредили: если она хоть одной живой душе расскажет, что было, ей не жить.

— Но она все-таки позвонила хозяйке.

— Да не ей! Не хотела ее волновать! Генке она позвонила! А тот — уже мне! — А дальше прозвучала фраза, которую Гуров ожидал услышать, едва вошел в кабинет: — Лева! Съезди, посмотри, что случилось. Разберись на месте — может, ничего серьезного, а люди просто зря перепугались.

С трудом сдержавшись, чтобы не расхохотаться в голос, Лев язвительно похихикал, взял листок с адресом и данными домработ-

ницы и вышел, провожаемый обещанием Петра немедленно связаться с Генкой, чтобы тот ее предупредил. А что? Делать Льву, тьфу-тьфу-тьфу, пока было нечего, а этот случай его заинтересовал.

Небольшой двухэтажный особнячок в одном из тихих переулков старой Москвы относился к тем, что в девятнадцатом веке строили для себя представители российской интеллигенции: врачи, адвокаты, писатели. Конечно, те, кто мог себе это позволить. Первый этаж был разделен надвое въездом для экипажей, справа гордо возвышалось под навесом на столбиках крыльцо парадного подъезда, а с другой стороны, симметрично ему, был более скромный вход для прислуги, но, судя по наледи, им уже давно никто не пользовался. Некогда деревянные ворота сменили на металлические с электронным замком, дверь оборудовали видеодомофоном, на окнах не только первого, но и второго этажа имелись кованые решетки, два небольших, симпатичных балкончика тоже были обрешечены, так что на первый взгляд дом был защищен от всевозможных напастей. Рядом с входом на стене красовались мемориальные доски, гласившие, что в этом доме жили: профессор Марк Самуилович Абрамов и академики

Давид Маркович Абрамов, Абрам Моисеевич Штейнберг и Семен Яковлевич Водовозов, но под этой фамилией в скобках значилась и настоящая — Вассерман. Гуров нажал на кнопку и стал ждать. Довольно долго никто не отвечал, и он подумал, что следовало бы предупредить о своем визите по телефону, даже собрался было уходить, когда наконец раздался раздраженный женский голос:

— Ну не могу я быстрее! Кто это?

— Я от Геннадия Григорьевича Тимофеева, — ответил Гуров.

— Удостоверение покажи! — потребовала женщина.

Лев помотал головой, но удостоверение достал, развернул его и поднес к экрану домофона, заметив при этом:

— Да что вы там разглядите-то?

— Уж фамилию как-нибудь разберу, — буркнула она. — Генка-то мне сказал, кто придет.

Дверь наконец-то открылась, и тут Гуров понял причину такой задержки — пожилая женщина самой обычной среднерусской внешности опиралась на костыль и палку.

— Простите, Дарья Федоровна, меня никто не предупредил, что вы больны, — извинился он. — Может, я в другой раз найду?

— Вот именно, что больна! — выразительно проговорила она. — Причем на всю голову!

Была бы здоровая, осталась бы целой! Проходи давай!

Гуров вошел, начал старательно вытирать ноги, но женщина на это только вздохнула:

— Не утруждайся, все равно уже натоптали! Тут вчера вечером кого только не было, и врачей привозили, и сами колготились! — Старательно заперев дверь на все замки, она повелительным тоном произнесла: — В кухню пошли! Тебя все равно чаем поить, а у меня нет сил все в столовую таскать.

— Не беспокойтесь, я и без чая обойдусь, — попытался отказаться Гуров, но домработница решительно оборвала его:

— Ты, Лева, со мной не спорь! И покруче тебя мужики на такое не решаются! Раз в этом доме принято гостей чаем поить, так и ты выпьешь! Тем более что он у нас хороший! Настоящий! Не порошок в пакетиках!

Она поковыляла впереди, постанывая и охая, а Гуров — за ней, осматриваясь по дороге. А посмотреть было на что! Не дом, а настоящий филиал Третьяковки! Кухня была довольно большой и имела две двери — в коридор и столовую. Дарья Федоровна наотрез отказалась от его помощи и, прислонив ко стыль с палкой к антикварному шкафу, занялась чаем, а Лев присел к столу.

— Там на столе под салфеткой пирожки, бери, не стесняйся, — предложила она. — За качество, правда, не отвечаю, не я пекла, а Верка — это Сонькина старшая. Одна она сейчас в России осталась, остальные девки в Америку съехали.

— А зовут их, наверное, Надежда и Любовь — мать ведь Софья, — сказал Гуров, беря пирожок, оказавшийся очень вкусным, о чем он тут же и сказал домработнице.

— Значит, научилась наконец-то, — буркнула та. — А насчет имен ты правильно понял, так их и зовут.

— Наверное, трудно вам одной такой большой дом в порядке содержать? — продолжил Гуров светскую беседу.

— Это когда мы всем кагалом здесь жили, маме приходилось крутиться, а как все разъехались и остались мы с Сонькой вдвоем, так теперь тут, считай, и делать-то нечего, тем более что вторая половина давно заперта.

— Извините, Дарья Федоровна, но что это вы о своей хозяйке так фамильярно?

— Так сестры же мы, — ответила она и, увидев изумленный взгляд Гурова, хмыкнула: — Смотри не подавись! Мы с ней молочные сестры! Мать моя ее выкормила, потому что родная-то родами умерла! Так что я в этом доме, как и она, с пеленок живу.

— Наверное, не раз ей предлагали его продать? Такой особняк в центре Москвы дорого стоит, — заметил Лев.

— Да уж устали этих покупателей, как мух, гонять, — отмахнулась женщина. — У Соньки целая пачка визиток лежит. И каждый все уговаривал, все просил: если надумаете продавать, то позвоните, и я вам, сколько скажете, немедленно заплачу, хотите — наличными, хотите — на счет в банке. Это Сонька, когда Семка умер, а девки разбежались, слабину дала, вот они в нее и вцепились. А потом подумали мы с ней и поняли, что ни в одну квартиру мы все это добро не вместим — веками же собиралось! Тут же что мебель, что посуда — сплошной антиквариат. А библиотека? А картины? Репин, Шишкин, Серов, Айвазовский, Васнецов и все такое! А фарфор? А хрусталь?

— Наверное, Вера здесь потому и осталась, чтобы со временем все унаследовать?

— Не спрашивала, — сухо ответила домработница. — Это Сонькино дело, кому оставлять.

Но вот чай был налит, Дарья Федоровна, кряхтя, села за стол и, устроившись поудобнее, начала рассказывать:

— Как Сонька в больницу легла, я тут одна осталась. А вчера у Веркиного мужа день рождения был, вот она меня и попросила, чтобы я

утром пришла и помогла ей все приготовить, а потом и на празднике посидела. И ведь хотела она Только за мной прислать, чтобы на машине привез, да я, дурища такая, отказалась. Прогуляться решила, дубина стоеросовая! Живут-то они недалеко. Ну, сдала я дом на пульт и пошла. А на полпути навернулась во весь рост! Как ничего себе не сломала, сама удивляюсь! Хорошо, люди добрые подняли и до дому довели! Вошла я и тут же словно в тиски попала. Рот мне зажали, а мужик какой-то на ухо шепчет: «Бабка! Молчи! Не доводи меня до греха! Мы не воры и не грабители. Нам просто нужно найти здесь одну вещь, которая твоей хозяйке не принадлежит. Если поняла, кивни». Кивнула я, конечно, а сама думаю, что дом-то с охраны я не сняла, так что полиция мигом тут будет. Тогда он руку от моего рта отвел, а я ему говорю: «Сынок! Все я поняла, только если ты меня сию же минуту куда-нибудь не посадишь, грех на тебе все-таки будет! Упала я по дороге, потому и вернулась». Он меня, словно пушинку, на руки подхватил, в зал отнес и на диван посадил, а потом сумку мою проверил, сотовый забрал и говорит: «Бабка! Душевно тебя прошу, сиди смирно! Если увижу, что к телефону рванула или к окну, пеняй на себя!» Ну, а я ему в ответ: «Милочка! Это в твои годы, если со всей дури навер-

нешься на льду, то вскочишь и дальше побежишь, а мне бы живой остаться». И тут... Нет, Лева, ты только подумай! Он меня еще и спрашивает: «Может, тебе лекарства какие нужны, так ты скажи, где они, я принесу». Я-то с виду вся спокойная, а внутри все дрожмя дрожит. Велела ему корвалол с кухни принести, так он и его принес, и чашку, и воду! Выпила я и сижу дальше. А они всю шуруют!

— Сколько их было?

— Пятеро.

— Внешность запомнили?

— Какая внешность, Лева! — всплеснула руками домработница и тут же застонала от резкого движения. — Все в масках, в перчатках, на ногах — бахилы! А одеты одинаково: в джинсы и водолазки.

— В марте? — удивился Гуров. — Значит, машина у них где-то поблизости была. Ну, а по фигуре? Как вы думаете, сколько им может быть лет?

— Не парни, но еще и не мужики, — подумав, ответила она. — Лет так тридцать, может, чуть больше. И фигуристые все такие, видно, что спортсмены.

— Ну, и что дальше? Полиция приехала?

— А вот и нет! И за что же это мы бешеные деньги каждый месяц платим, спрашивается?! А уж сколько стоило сигнализацию устано-